

Глава 1

Девушка шла по улице медленно, с трудом передвигая ноги. Устала после бессонной ночи? «Ничего подобного!» — ответила бы она, если бы кто-то ее об этом спросил. Никогда не любила признаваться в своих слабостях, а слабостей было предостаточно. Но кто стал бы ее спрашивать на пустынной улице в шесть часов утра? Девушка поднесла к глазам левую руку, посмотрела на часы. Красивые часы, дорогие, и рука тоже красивая, тонкое запястье с выступающей косточкой, длинные пальцы. «Как у пианистки, — подумала она. — Но я не умею играть. Ни на пианино, ни на губной гармошке. Ни слуха, ни голоса. Танцую плохо. Хожу, как корова. Давай, шевели ногами! Давно пора быть там».

Майское утро, холодное ясное утро. Пустая улица. Она бесшумно шагала в мягких туфлях на плоской подошве. Каблуков она носить не умела, шаталась на них — с детства была плохая координация движений, и с годами ничего не улучшилось. Вот он — дом, который ей нужен. Девушка остановилась, еще раз посмотрела на часы. Поняла, что делает это специально, чтобы оттянуть тот момент, когда придется войти в подъезд, подняться по лестнице, открыть дверь. Но сейчас она все это сделает.

И она сделала все это. Вошла в подъезд, стала подниматься вверх, глубоко сунув руки в карманы голубого плаща, чтобы не хвататься за перила. Скверная привычка. «Ты как старуха, — часто ругал ее муж. — Скоро костыль тебе куплю. Двадцать пять лет, а по лестнице поднимаешься полчаса». Наплевать. Пятый этаж. Лифта нет. Пятый этаж — последний. Хрущевский дом. Узкая лестничная площадка. Две двери, одна обита бордовым дерматином кожей. Железная дверь. «Под кожей — железо, — почему-то подумала она. — Вот бы и мне так. Немножко железа под мою кожу, чтобы не было этого противного страха. А бояться ведь нечего. Я — никчемная дура. Трусиха. Так он всегда говорил. Идиотка. Доставай ключи! Открывай дверь! Заходи! Ты же сто раз обдумала, как сделаешь все это сегодня утром!» Она всегда говорила с собой в таком тоне, если не могла на что-то решиться. Очень часто говорила. Получалось, что существуют две Анжелики. Первая — трусиха, дурочка, паникерша. Вторая — умная, сильная, уверенная в себе, отдающая приказы слабой подруге. Но секрет был в том, что второй, сильной Анжелики никогда не существовало. Она ее выдумала, чтобы было легче жить.

Ей было двадцать пять лет. На ней были голубой плащ, джинсы, помятая белая рубаша, туфли на плоской подошве. Черные волосы до плеч, серые глаза, неуверенная улыбка. Когда она улыбалась, казалось, что о чем-то хочет спросить собеседника. Кого-то эта улыбка удивляла, кого-то, например ее мужа, раздражала.

Анжелика достала ключи, отперла дверь, потянула ее на себя, вошла. Ноги подкашивались. Все силы ушли на то, чтобы снова прикрыть за собою дверь и запереть ее изнутри. А как не хотелось этого делать!

Родная квартира. Она постояла на пороге, прислушалась. Абсолютная тишина. Значит, все удалось. Иначе он

ЗАЧЕМ ТЕБЕ АЛИБИ...

бы сейчас вышел, хмуро посмотрел ей в глаза, скривил губы, спросил: «Где была?» А его нет. Как тихо! Тихо в обеих комнатах и на кухне. Все — малюсенькое, но не убогое. Он сделал хороший ремонт. Конечно, не своими силами — руки у него к тяжелой работе не приспособлены. В квартире сняли ужасный вонючий пол из потертого крагиса, настелили ковровое покрытие, положили мраморную плитку на кухоньке. Обои тоже содрали, выкрасили стены в пастельные нежные цвета, довели до ума потолок, поменяли все окна и двери. «Жить бы и жить», — при этой мысли ей стало нехорошо. Какой-то дурацкий смех зашекотал горло. «Ну, прекрати, — приказала она себе. — Иди в комнату. Вот в эту. Дура!» «Почему вот в эту?» — слабо возразила она самой себе. — Откуда ты знаешь? Насчет комнаты никто не договаривался...» — «Знаю, и все. Это его комната, понимаешь? — ответила сильная Анжелика. — Значит, он там. А тебя никто не спросил. Вот открой дверь и увидишь, что я была права».

Она открыла дверь его комнаты. Бросила беглый взгляд, сжалась, но не закричала, не заплакала. В конце концов, она знала, что именно увидит. Только смотреть больше не хотелось. Она вошла, прислонилась спиной к холодной гладкой стене. Руки при этом снова держала в карманах. Когда она их туда сунула — не помнила. Ничего больше не помнила, и никто не подавал ей советов. Сильная Анжелика умолкла. Она осталась со своим страхом наедине. В комнате было темно — окно задернуто плотными шторами, которые совсем не пропускают света. Если бы не шелка между шторами, она бы ничего не увидела.

«Посмотри на пол, — сказала она себе. — Для начала еще раз посмотри на пол и скажи, что ты там видишь». Глаза уже привыкли к слабому освещению, но смотреть

АННА МАЛЫШЕВА

она больше не хотела. Закрыла глаза. «Я сейчас упаду в обморок, — поняла девушка. — Это слишком. Незачем туда смотреть. Не надо смотреть. Я и так все знаю. Надо уходить. Нет! Ничего не хочу! Это слишком для меня!»

Уйти было нельзя, и она прекрасно это понимала. Она все понимала, кроме одного — как ей теперь жить, что делать. И как всегда в такие минуты, Анжелика применила испытанный способ. Способ был простой и наверное, дурацкий. Она никогда никому о нем не рассказывала. Назвали бы в очередной раз дурочкой, фантазеркой, и все. Но это помогало. Все было очень просто. Когда она оказывалась в затруднительном положении и ничего не могла понять, Анжелика начинала раскладывать все случившееся по пяти полочкам. Пять полочек — пять чувств, отпущенных человеку природой. Зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Постепенно все вставало на свои места. Даже самое ужасное становилось относительно простым и понятным. Во всяком случае, для нее. Она никому не давала этого рецепта, хранила его в тайне. И сейчас тоже воспользовалась проверенным способом, но для этого Анжелике все же пришлось открыть глаза.

Первым, что она увидела, была его рука. Знакомая смуглая рука, безвольно откинутаая на ковровое покрытие. Короткие пальцы, испачканные чем-то черным. Она отлепилась от стены и подошла поближе. Наклонилась. Пальцы были испачканы пеплом. Она хотела было отдернуть штору, чтобы получше все рассмотреть, но не сделала этого. В комнате стало как будто светлее, начинался день. Его рука. Она смотрела только на руку и в конце концов стала различать даже петлистые узоры на кончиках пальцев. Рядом на полу валялась сигарета. Незажженная. Не успел закурить. Потом она рассмотрела белый

ЗАЧЕМ ТЕБЕ АЛИБИ...

манжет его рубашки. Выпрямилась, шагнула к окну, отдернула штору. Окна выходили на восток, и в комнату ударили лучи солнца. Она зажмурилась, потом медленно открыла глаза. Повернулась, снова посмотрела на него. Его темные волосы блестели на свету, одна прядь косо упала ему на лоб. Лоб очень спокойный, высокий, смуглый. Глаза закрыты, короткие ресницы неподвижны. На щеках проступила синеватая щетина. Губы... На губы она не хотела смотреть. В них не было ничего страшного, но смотреть она не хотела. Слишком знакомые губы. Слишком. «Хватит смотреть, — приказала себе Анжелика. — Больше не хочу!»

Теперь она прислушивалась. Тикали часы — очень громко. Чьи часы? Только не ее собственные и не его... Часы на стеллаже с книгами. Большие часы, его приобретение. Под старину. Ей они никогда не нравились. Теперь она сможет их выбросить или кому-нибудь подарить. Кроме тиканья часов не было слышно ничего. А, нет — вот внизу, на улице, проехала машина. Еще одна. Да там уже полно народу! Откуда все они взялись? Когда она пришла сюда, никого еще не было. Время было выбрано удачно. Ее никто не видел. А если бы и увидели — так что? Женщина возвращается домой, к своему законному мужу. Почему на рассвете? Почему не ночевала дома? Это не повод для обвинений. Это — ее алиби. Даже лучше будет, если кто-то видел ее из окна дома, когда она вошла в подъезд в шесть утра. Возможно, кто-то и видел. Тикают часы, едут машины. А больше она ничего не слышит.

Обоняние. В комнате пахнет какой-то кислятиной. Странно — откуда? Еще — застоявшимся табачным дымом, наверное, он выкурил пару сигарет, прежде чем... Анжелика наклонилась, подняла незажженную сигарету, достала из кармана зажигалку, высекла огонь, закурила.

Зачем? Сама не знала. Просто хотелось хоть что-то сделать. Теперь табаком пахло еще сильнее. Она знала, что если наклонится к мужчине совсем близко, почувствует запах его одеколона. Он любил «Гавану». А больше ничем не пахнет. Анжелика открыла форточку, когда разобралась с запахами.

Осязание было самым неприятным из всех чувств. Но она все же опустилась на колени рядом с ним, взяла его руку. Рука была жесткая и холодная, она отдернула пальцы. Погладила его по голове, волосы были шелковистые, лоб показался ей влажным. Еще раз провела рукой по его лбу. Показалось. Сухой лоб, просто холодный. Она забыла о сигарете, которую держала в другой руке, и коротко вскрикнула — неловко сжала ее, обожглась. Погасила сигарету в пепельнице, посмотрела на свою руку, на его... Встала, подошла к столу, подняла невесомую телефонную трубку. Трубка была такая легкая, а слова будут тяжелые. «Она сломается в моих пальцах, эта трубка, мой голос ее сломает», — подумала она. Но пальцы у нее не дрожат, они крепко обхватывают трубку.

Вкус? Во рту прохладно, пахнет мятой. Неизвестно почему. Язык какой-то чужой. Анжелика помолчала, стоя с прижатой к уху трубкой, мятный вкус щекотал ей рот. «Спокойно, — сказала она себе. — Это только начало. Будет еще день, и еще ночь, и все это ты должна пережить. Будет еще много всего». Провела кончиком языка по губам. Его губы. Ее губы. Их губы так часто соприкасались. Зачем об этом сейчас думать? Анжелика почувствовала на языке что-то теплое, соленое. «Неужели я плачу? — спросила она себя. — Да. Вот уже минута, как я стою так и плачу». Она набрала номер и, дождавшись ответа, сильным голосом сказала: «Моего мужа убили». Сказала свое имя, адрес, просила приехать скорее. Поло-

ЗАЧЕМ ТЕБЕ АЛИБИ...

жила трубку, повернулась к мужу и смотрела на него долго, долго. «Я выдержала, — сказала она себе со странной гордостью. — Я все выдержала, все сделала, значит, не так уж я слаба, значит, все удалось. А на остальное мне наплевать».

— О чем они тебя спрашивали?

Анжелика сидела, сгорбившись, свесив руки между колен, смотрела в пол усталыми, покрасневшими глазами. Услышав вопрос, даже не подняла головы. Тогда он наклонился к ней и потряс за плечо:

— Да что такое? Что случилось?

— Оставь меня в покое... — выдавила она, поднимая на него глаза.

Саша внимательно поглядел ей в лицо, скривил губы... Точно как ее муж! Она даже вздрогнула, хотя в этом не было ничего удивительного. Ведь они с Сашей были родными братьями. Сходство было несомненным — те же темные глаза, короткие ресницы, грубоватые руки, блестящие каштановые волосы, смуглая кожа... Только муж был ростом пониже и заметно начинал полнеть. А Саша в свои тридцать лет выглядел как мальчишка — худенький, узкобедрый.

— Я тебя оставлю в покое, когда ты мне все расскажешь! — заявил он, садясь перед ней на корточки. Она отвела глаза в сторону, посмотрела на Лену. Та курила, глядя в окно, сигарета заметно вздрагивала в ее руке.

— Да что тебе рассказывать? — вздохнула Анжелика. — Все было так, как надо.

— Ну и выражения у тебя, — негромко заметила Лена. — По-твоему, все это нормально?

— Слушай!.. — Анжелике от негодования не хватало воздуха. — Не прикидывайся чистенькой! Можно подумать, ты осталась в стороне!

АННА МАЛЫШЕВА

— Все, девчонки, замолчали! — Саша хлопнул Анжелику по колену, резко повернулся к жене: — Особенно ты молчи! Чуть не провалились — из-за тебя!

Анжелика наконец глотнула столько воздуха, сколько надо, и немного пришла в себя. Саша миролюбиво обратился к ней:

— Давай, расскажи быстренько. Потом Ленка сварит кофе.

— Это мы еще посмотрим, — раздалось из угла. Но больше Лена ничего не сказала.

Анжелика пожала плечами:

— Уехала из дома вечером, в одиннадцать часов уже играла на пароходе «Александр Блок». Как договорились.

— Кто там был из наших?

— Лизка, Ксения, Армен...

— Они все тебя видели?

— Конечно. Мы с Ксенькой сидели рядом за столом. Лизка с Арменом играли в рулетку. Мы — в «Блэкджек». Они все трое меня видели всю ночь. Мы выпивали в баре... Я все фишки слила, около пятисот долларов, потом немного отыгралась... Конечно, понервничала, я всегда переживаю... А Ксенька все время выигрывала. Лизка, кажется, тоже осталась в минусе, Армен дал ей денег, чтобы она отыгралась. Да! — воскликнула Анжелика. — Я там потрепалась с одним мужиком, сидел рядом за столом. Он видел, как я проигрываю, и подарил мне фишку за двадцать долларов.

— Ты что, его знаешь?

— Нет, первый раз видела. Он слил две тысячи баксов и все смеялся: «Девушка, мне нравится, как ты играешь». Подарил мне фишку и потом слил еще тысячу на моих глазах. Потом сошел на берег и уехал. Где-то в пятом часу утра.

— Ладно, еще один свидетель не помешает, — кивнул Саша.

ЗАЧЕМ ТЕБЕ АЛИБИ...

Анжелика прикрыла веки. Она успела заплакаться, да еще бессонная ночь, да еще... Глаза невыносимо резало, они слезились.

— Потом Армен с Лизкой куда-то пропали. Домой, наверное, поехали...

— А Ксения?

— Она осталась до пяти утра.

— Она подтвердит, что ты там была до утра?

— Да. Мы вместе ловили машину.

— Постой... Так ты ехала домой с Ксенией?

— Ну, почти. Мы вместе доехали почти до ее дома, это была половина шестого... Там рядом метро. Я увидела, что метро уже открылось, и сказала Ксеньке, чтобы меня высадили тут. У меня не было денег, чтобы расплатиться с водителем, а у Ксеньки занимать бесполезно.

— Она же выиграла?

— Ну и что? Ты эту жмотину не знаешь?

— Какие вы все идиоты... — протянула из своего угла Лена. — Господи, зачем я с вами связалась...

— Доехала в метро до дома, потом пешком, потом вошла в квартиру, открыла дверь, вызвала милицию. Все!

— Не все. Что там было?

— В квартире? — удивилась Анжелика. — Он там был. Кто же еще?

— Черт! Я тебя спрашиваю, как он выглядел?

— Не спрашивай ты меня об этом, — отмахнулась Анжелика. — Как он выглядел? Господи. Ясно же... Он был мертв.

— Идиоты... — повторила Лена.

— Заткнись! — Саша даже не повернулся к ней. — Лика, послушай, это глупость, то, что я тебе сейчас скажу... Но Ленка подтвердит, что я говорю правду...

— Что такое? — Анжелика непонимающе глядела на него. — Что еще? Он был мертв, говорю вам... Будто вы

сами не знаете... Господи, неужели нельзя не говорить больше об этом?! Меня всю трясет! Я не могу об этом говорить, я там была полдня, я говорила с милицией, я чуть с ума не сошла... Наконец, он был моим мужем! Черт! Как бы там ни было, а я до сих пор не верю, что пошла на это, не верю...

— Никто на это не пошел, — тихо и внушительно произнес Саша.

— Что?

— Не поняла? Мы этого не делали.

Анжелика застыла, переводя взгляд с Саши на Лену и обратно. Те смотрели на нее как-то странно. Лена — напряженно и выжидающе, Саша впился глазами ей в лицо, ожидая реакции.

— Вы что, ребята? Так не пойдет... Зачем вы врете?

— Да не врем мы, — резко оборвала ее Лена. — Он правду сказал. Мы его не трогали!

— Да что это такое?!

— Не веришь? — Саша схватил ее за руку. — Слушай, когда мы туда пришли и позвонили в дверь, нам никто не открыл. Мы решили — его дома нет. Открыли дверь сами, теми ключами, которые сделала ты, вошли...

— А он был в комнате. — Лена вскочила со стула и подошла к ним. — Мертвый.

— Вы... — У Анжелики дрожали губы. — Вы только что все это придумали!

— Да нет же!

— Врете!

Лена попыталась взять ее за руку, но Анжелика отдернула пальцы:

— Врете, врете! А зачем вы врете, не могу понять! Ну, зачем?! Хотите выглядеть чистенькими по сравнению со мной? Испугались? Вы же говорили — никто никогда не узнает, никто нас не найдет...

ЗАЧЕМ ТЕБЕ АЛИБИ...

— С ума ты сошла...

— Ленка, это ты с ума сошла! — выпалила Анжелика. — Я тебя просто не узнаю! Какая ты была умная, какая смелая, когда мы все обсуждали! Да что там было на самом деле — можете сказать? Вы позвонили, он вам открыл, вы вошли, выпили кофе... А дальше?

— Он нам не открывал, и кофе мы не пили... — прошептала Лена.

— Ну, конечно! — издевательски протянула Анжелика. Она была близка к истерике.

— Слушай, можешь нам не верить, но когда мы пришли, уже ничего не надо было делать, — отрезал Саша. — Он был мертв, слышишь, и не мы это сделали. Мы оказались в дурацком положении.

— Чуть не рехнулись, — добавила Лена.

— Я рехнусь сейчас, я! — завывала Анжелика. — Зачем все это, зачем?!

— Да низачем! — Саша закурил, сунул незажженную сигарету Анжелике. — Успокойся. И не кричи. Мы втроем должны все обдумать. Я ни черта не понимаю. Кто это сделал? Почему именно этой ночью?

Анжелика держала в руках сигарету. Вертела ее между пальцами, поворачивала так и сяк, но не зажигала. Сунула ее в рот, но тут же вытащила, посмотрела на марку.

— Это ты куришь? — спросила она Сашу.

— Что? — удивился он.

— «Мальборо». Я спрашиваю — ты куришь «Мальборо»?

— Ну и что?

— Ничего. А ты, Ленка?

Та обеспокоенно смотрела на Анжелику, потом переглянулась с мужем. Их взгляды говорили: «Сходит с ума». Анжелика все поняла и взбесилась:

— Отвечай, если я спросила! Ты что куришь?